

Г.В. Ситникова, О.Н. Руднева
G.V. Sitnikova, O.N. Rudneva

**«ВОТ ИЗОБРАЖЕНИЕ СЕГО ОБЕТОВАННОГО КРАЯ»: КРЫМ
 ГЛАЗАМИ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА КОНЦА XVIII ВЕКА
 (К 240-ЛЕТИЮ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ)**

**"HERE IS A PICTURE OF THIS PROMISED LAND": CRIMEA
 THROUGH THE EYES OF A RUSSIAN TRAVELLER OF THE LATE
 18th CENTURY (ON THE 240th ANNIVERSARY OF INCORPORATING
 CRIMEA INTO RUSSIA)**

Статья посвящена книге П.И. Сумарокова «Путешествие по Крыму и Бессарабии в 1799-м году; с историческим и топографическим описанием всех тех мест», изданной в 1800-м году в университетской типографии у Редигера и Клаудия. В год 240-летия присоединения Крыма к России эта работа русского литератора из рода Сумароковых, члена российской академии наук, губернатора Витебской (1807–1812) и Новгородской (1812–1815) губерний представляет несомненный интерес. П.И. Сумароков посещал Крым с целью оценки возможных перспектив развития нового южного региона России. Во время поездки писатель делал заметки исторического, экономического, этнографического характера, знакомился с миром экзотической природы, постигал непривычный для русского человека уклад жизни и языки многонационального Крыма. Книга, первоначально напоминающая «сентиментальное путешествие», в дальнейшем включает в себя выводы, достаточно убедительно объясняющие, для чего был необходим России этот «обетованный край» и что государство делало для его благоустройства и развития.

Ключевые слова: освоение южных земель, «сентиментальное путешествие», следы турецкого владычества, исторический экскурс, достопримечательности Крыма, национальные традиции.

The article studies P.I. Sumarokov's book "Travelling through Crimea and Bessarabia in 1799; historical and topographical description of those places", published in 1800 in the university Rediger and Claudius printing house. In the year of the 240th anniversary of incorporating Crimea into Russia, this work by a Russian man of letter from the Sumarokov family, member of the Russian Academy of Sciences, governor of Vitebsk (1807–1812) and Novgorod (1812–1815) provinces is of undoubted interest. P.I. Sumarokov visited Crimea to assess the possible prospects of development in the new southern region of Russia. During the trip the writer made historical, economic and ethnographic notes, got acquainted with the world of exotic nature, comprehended the way of life and languages of the multinational Crimea, which were unfamiliar to Russian people. The book, initially resembling a "sentimental journey", later includes conclusions that convincingly

explain why Russia needed this "promised land" and what the state did to equip and develop it.

Key words: *development of southern lands, "sentimental journey", traces of Turkish rule, historical insight, Crimean sights, national traditions.*

DOI: 10.24888/2079-2638-2023-58-3-61-67

В этом году мы отмечаем знаменательное событие – 240-летнюю годовщину подписанного Екатериной II манифеста «О принятии полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под Российскую державу». Он готовился императрицей вместе с Г.А. Потемкиным и некоторое время хранился в тайне. 9 июля 1783 года крымская знать, а за ней духовные лица и простое население Крыма присягнули России. Манифест положил конец многолетним притязаниям Турции, Великобритании и Франции на этот важнейший геополитический регион и способствовал развитию главных крымских городов – Симферополя и Севастополя, в которых будет формироваться Черноморский флот России.

Г.А. Потемкин немало сделал для присоединения Крыма и его развития. Еще в 70-х гг. XVIII столетия он представил Екатерине II план действий по освоению крымских земель, по строительству на полуострове городов и крепостей, отметив: «Крым положением своим разрывает наши границы. Нужна ли осторожность с турками по Бугу или со стороны кубанской – в обоих сих случаях и Крым на руках. Тут ясно видно, для чего Хан нынешний туркам неприятен: для того, что он допустит их через Крым входить к нам, так сказать, в сердце. Положите ж теперь, что Крым Ваш и что нету уже сей бородавки на носу – вот вдруг положение границ прекрасное: по Бугу турки граничат с нами непосредственно, поэтому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под именем других. Всякий их шаг тут виден. Со стороны Кубани сверх частных крепостей, снабженных войсками, многочисленное войско Донское всегда тут готово.

Доверенность жителей в Новороссийской губернии будет тогда несомнительна. Мореплавание по Черному морю свободное» [3].

Г.А. Потемкин приложил немало усилий для освоения, развития и укрепления Россией новых территорий.

В 1787 году Екатерина II отправилась инспектировать новые земли. В течение полугода она вместе с придворными и представителями иностранных дипломатических миссий посетила Киев, Херсон, Перекоп, Бахчисарай, Севастополь, Судак, Феодосию, Мариуполь и множество других населенных пунктов, где в ее честь устраивались торжественные встречи, балы, иллюминировались улицы и дома.

Большое впечатление на участников поездки произвели Севастополь и флот. Граф Сегюр, посол Франции при дворе Екатерины II и историк, писал: «Нам казалось непостижимым, каким образом в 2000 верстах от столицы, в недавно приобретенном крае, Потемкин нашел возможность воздвигнуть такие здания, соорудить город, создать флот, утвердить порт и поселить столько жителей <...> основанием Севастополя вы (императрица. – Г.С.) довершили на юге то, что Петр начал на севере» [3].

Уникальная природа Крыма, его исторические памятники уже в конце XVIII века стали привлекать многочисленных путешественников, одним из которых стал Павел Иванович Сумароков, русский литератор, племянник писателя Александра Петровича Сумарокова. Павел Иванович Сумароков (1767–1846) был членом Российской Академии наук и в разное время губернатором Витебской и Новгородской губерний. По делам службы он посетил Крым дважды. Впервые П.И. Сумароков приехал на полуостров в 1799 году. Итогом поездки стали его путевые заметки, изданные в 1800 году в Москве под названием «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест».

Результатом пребывания П.И. Сумарокова на полуострове Крым в 1802–1803 гг. стали «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду». Этот двухтомный

труд, изданный в Санкт-Петербурге, был снабжен иллюстрациями, схемами, картами и стал своеобразным путеводителем по Крыму того времени.

В путевых заметках писателя 1799 г. нетрудно уловить влияние литературного сентиментализма, поэтому их можно обозначить как своеобразное «сентиментальное путешествие», слог которого отличается искренностью, непосредственностью, живостью.

П.И. Сумароков, 32-летний коллежский советник, отмечает, что намерен «употребить праздные часы себе на пользу и через беседу с самим собою найти в странствовании и посреди уединения своего себе упражнение» [6, 1], что вполне согласуется с теми задачами, которые ставил перед собой «чувствительный» [7, 3] путешественник англичанина Л. Стерна, стремящийся в большей степени к самопознанию, чем к изучению природы и культуры новых мест. Однако определяя таким образом свою цель, П.И. Сумароков все же выходит за ее границы. Мы объясняем это принципиальным отличием русского менталитета от английского. Интроверт Л. Стерн существует в большей степени в пределах личного пространства. Он культивирует частную жизнь. П.И. Сумароков открыт навстречу всем впечатлениям бытия. Ему интересны и экзотическая природа, и непривычный уклад жизни крымчан, и незнакомая речь, и своеобразная архитектура полуострова. Он не замыкается в кругу своих личных чувств, переживаний, писатель толерантен, доброжелателен к представителям всех народов, проживающих на Крымском полуострове. П.И. Сумароков пытается понять, что есть Крым и в каком качестве он необходим России. Писатель проявляет себя личностью, мыслящей государственными масштабами, которая рассматривает свое путешествие не просто как увлекательную и познавательную прогулку, а как материал для дальнейшего государственного устройства новой территории. Этот вывод позволяет нам отчасти поддержать точку зрения А.А. Куликовой [4] о том, что проза П.И. Сумарокова ближе к научным запискам путешествий XVIII века, чем к сентиментальной путевой прозе.

Исследованием жанровых традиций путевой прозы в литературе конца XVIII – начала XIX века занималась О.В. Мамуркина [5]. Она проследила историю путевой прозы с доминантой документального начала в русской литературе XVIII века, выявила степень соотношенности художественного и нехудожественного начала в процессе формирования жанра литературного путешествия рубежа XVIII–XIX столетий. Опираясь на статью О.В. Мамуркиной [5], мы сделали вывод о том, что в произведении П.И. Сумарокова художественное и документальное начала сосуществуют в гармонии, уравновешивая друг друга. Писатель углубляется в историко-культурный контекст реалий Крыма, в духе сентиментализма создает пейзажные зарисовки, вызывающие умиление, восторг, не отказывается от этнографических и фольклорных экскурсов. Однако это не мешает ему заниматься математическими подсчетами, размышлять об объектах «промышленного созидания» [1] и выстраивать логику потребностей Российского государства в Крымских землях.

Первое путешествие писателя, которое является объектом нашего интереса, продолжалось с конца мая до середины июля 1799 года. Маршрут П.И. Сумарокова пролегал через Миргород, Елисаветград, Кафу (Феодосию), Керчь, Судак, Алупку, Бахчисарай, Ахтиар (Севастополь), Кезлов (Евпаторию), Очаков, Одессу, ряд населенных пунктов в Бессарабии.

В своих путевых заметках, посвященных племяннице Г.А. Потемкина Варваре Васильевне Голицыной, П.И. Сумароков отмечает как не самые приятные, так и привлекательные эпизоды путешествия. Например, недалеко от Судака писатель попадает в сильнейшую грозу и находит приют в «домике мусульманина» [6, 86]; дорога от Алушты представляется ему крайне опасной, чудовищно узкой, Путешественнику приходится довериться лошади: «Испытанное мною при затруднительных переходах искусство горных лошадей решило меня не доверять боязненным своим стопам, и предпочесть первое. И так я дал свободу своему коню, от которого зависел свой жребий, и всякий шаг онаго угрожал гибелью. Я не один раз как иступленный останавливался, несколько раз от страха зажимал

глаза, волосы становились дыбом, и уstraшенный с высоты взгляд повсюду с трепетом отворачался к висящим над головой громадам» [6, 96].

Тем не менее, любознательность побуждает П.И. Сумарокова совершить восхождение на Чатырдаг – горный массив, расположенный в южной части Крымского полуострова. Преодолевая чувство страха, волнения, несколько раз делая привал, путники на лошадях все же поднимаются на вершину хребта и видят прекрасную картину – степь, кажущиеся игрушечными домики, а по другую сторону – бескрайнее море. Спустившись с горы пешком, они отдыхают в той же самой хижине, что и при подъеме, и приятно удивляются гостеприимству местных жителей, которые «убили нарочно барана, приготовили разные кушанья и устали ими целый стол. Вот нравящиеся сердцу угощения! – Вот образчики неразвращенных нравов, и вот мирная страна прославленных в древности пастырей!» [6, 153].

Во время своего путешествия П.И. Сумароков неоднократно отмечает печальные следы недавнего владычества над Крымом турок, разрушения, вызванные русско-турецкой войной, разбитые дороги, малолюдность посещенных им населенных пунктов, обусловленную, с одной стороны, военными действиями, с другой – массовым переселением крымских татар в Турцию и, с третьей, – ликвидацией работорговли. С переходом Крыма под власть России невольничьи рынки на полуострове прекратили свое существование.

Крым как новый регион России был особой экономической зоной, с законами которой П.И. Сумароков познакомился на таможне в Перекопе: ввоз и вывоз товаров облагался пошлиной, причем вывоз стоил дороже и оплачивался только золотой монетой. Торговцы везли в Крым хлеб, свиное сало, растительное масло, ткани, а вывозили орехи, фрукты, вина, рыбу, выделанную кожу. Товары, произведенные в Крыму, пошлиной не облагались.

Рассказывая о своем путешествии на Крымский полуостров, П.И. Сумароков не просто делится впечатлениями. Он старается просветить своих будущих читателей, излагая им историю Крыма, определяя этапы борьбы за него между разными народами. Писатель отмечает, что в течение трех веков Крым находился под властью «Оттоманской порты»: «Оная утверждала в него от себя Ханов, имела там на приморских местах свои крепости и гарнизоны, брала от него войска, оставляя самовластие над ним Хану, своему даннику.

Но в 1783 году Россия обратила взор на древнее свое завоевание, и Таврида, претерпевшая толикия над собою превратности, приобщилась наконец под Ея Державу, и составляет ныне прелестную оной область» [6, 36]. П.И. Сумароков не сомневается в разумности присоединения крымских земель к России,

В Крыму писатель-путешественник старается познакомиться с культурой, экономикой, бытом разных народов, населяющих полуостров. В Бахчисарае он посещает сафьянные заводы, мечети, дворцы. Верный своей привычке фиксировать точные данные, П.И. Сумароков, находясь в Бахчисарайском Ханском дворце, отмечает, что в нем до 150 комнат, окружность всего комплекса – 420 сажен, «все тут дышит роскошью, негой и сладострастием» [6, 134]. Однако как подлинный патриот своей страны писатель рассматривает это масштабное сооружение в качестве показательного трофея Российской Державы, а не символа ханского величия, ведь во время обозрения «сего нового царства (Екатерина II. – *О.Р.*) удостоила его Своим в нем пребыванием» [6, 134].

П.И. Сумароков бывал в гостях у богатых князей, чиновников, где его вкусно потчевали блюдами различных национальных кухонь. Стараясь никого не обидеть, путешественник был вынужден из учтивости «выполнять их обряды, у татар пить кофий, курить табак, а у греков отвеживать фруктовую водку и заедать вареньем» [6, 138]. Впрочем, у читателя не создается впечатления, что путешественник испытывает неудобства от этого. Он открыт для восприятия малоизвестных ему культур и традиций.

Писатель обращает внимание на то, что крымчане много курят, что на базаре собираются практически одни мужчины, а женщины передвигаются по улицам с закрытыми

тканью лицами, что кажется П.И. Сумарокову крайне непривычным, как и многоженство, принятое у татар. Однако, констатируя этот факт, писатель не снабжает его негативным комментарием, уважительно относясь к нравам и обычаям представителей разных народов.

Путешественник пытается разобраться и в межнациональных отношениях», царящих в Крыму. Он неоднократно фиксирует факты доброжелательного отношения к себе татар, турок: «<...> при виде моем они кланялись мне, прижимая руки к груди, сажали меня подле себя, подали тотчас мне трубку и потчевали кофею без сахара и сливок» [6, 53], что, безусловно, казалось непривычным русскому человеку, но никакого неудовольствия по этому поводу П.И. Сумароков не высказывает.

Писатель составляет подробное описание каждого посещенного им населенного пункта, указывая количество улиц и домов, характер построек, наличие исторических достопримечательностей, численный и национальный состав населения. Перед нами рациональный человек, понимающий, что вся эта информация будет необходима при освоении крымских территорий. Известный еще с дохристианских времен Перекоп П.И. Сумароков называет «ключом Тавриды» и поражается скромности его размеров; Ахмечет – некогда торговый татарский городок – писатель видит уже губернским городом Симферополем, существенно расширившимся за счет присоединения новых земель. Его населяют татары, русские, греки, армяне.

Большое внимание в путевых заметках автор уделяет описанию Кафы, немало пережившей за долгие века своего существования. Сначала греки основали город Феодосию, который окружили каменным укреплением и вели морскую торговлю хлебом. Однако они были вытеснены татарами. При татарском господстве генуэзцы на месте старой крепости начали строить новый город. Кафу «ханы избрали <...> своей столицей, и Кафа учинилась первейшим городом во всей Тавриде» [6, 57]. В момент своего расцвета город состоял из 20000 домов, в нем было «55 греческих и армянских церквей, 56 мечетей, до ста фонтанов, великое число ханов, лавок, 9 публичных бань и 4 кладбища» [4, 58]. Кафу населяли татары, греки, армяне, турки, караимы. Она была богатым городом, ведущим торговлю по Черному и Азовскому морям. Ко времени приезда в Феодосию П.И. Сумарокова все это великолепие осталось в прошлом. «Ныне в Кафе, – констатирует русский путешественник, – считается до ста небольших только и худо построенных домиков, и обитатели онаго суть вновь пришедшие уже греки, армяне и жида караимы, но ни одного татарина в нем не находится; ибо старожилы все удалились внутрь Крыма, другие же и совсем его оставили» [6, 59].

В таком же плачевном состоянии П.И. Сумароков нашел и Керчь, некогда столицу «Босфорских царей» [6, 70].

Алупка понравилась писателю своим местоположением, обилием плодоносящих фруктовых деревьев, но при этом показалась совершенно необитаемой – на улице городка ему не встретился ни один человек.

Балаклава покорила П.И. Сумарокова большим портом, защищенным от ветров, обилием рыбы. Прекрасное местоположение Балаклавы вызвало интерес у многих завоевателей Крыма, о чем также упоминает писатель. Он замечает, что при генуэзцах в XIV–XV вв. здесь были построены лучшие береговые укрепления. Пришедшие на смену генуэзцам турки всегда держали здесь свой воинский гарнизон. Впрочем, от бывшего величия Балаклавы тоже ничего не осталось: «Ныне Балаклава, состоящая из 60 домов, расположенных в одну линию по пологому берегу моря, обитаема лишь одним греческим батальоном, и есть воинская слобода» [6, 111].

Безусловно, П.И. Сумароков не мог не посетить «священный город» Севастополь, основанный в 1783 году как военно-морской порт. Под таким названием он существовал до 1797 года, а затем по указу Павла I был переименован в Ахтиар. Впрочем, документы эпохи свидетельствуют о том, что оба названия использовались параллельно. По описанию П.И. Сумарокова, в городе несколько рядов улиц, спускающихся к морскому берегу, «с преизрядными каменными добрых фасад домами» [6, 112]. «Ахтиар есть настоящий

военный город; гарнизон, морские батальоны, матросы и другие команды составляют жителей онаго; а обывателей в нем <...> самое небольшое количество» – отмечает писатель [6, 113–114]. Путешественник подчеркивает, что все в этом новом российском городе связано с морской службой, с защитой южных рубежей страны.

Посещает П.И. Сумароков и древний Херсонес, основанный за 500 лет до Рождества Христова, и те места Крымского полуострова, которые связаны с Крещением Руси: «<...> показывают развалины церкви Св. Василия, в которой наш великий Князь Владимир, отрехшись от идолослужения, озарил себя таинством спасительного крещения» [6, 117].

Писатель побывал и в не менее древней Евпатории, основанной в последнем веке перед Рождеством Христовым Митридатом Евпатором, Царем Понтийским, от имени которого город и получил свое название. Турки переименовали его, назвав Кезловым, Россия вернула Евпатории название прежнее. Но, как и в случае с Севастополем, оба наименования использовались равноправно. Евпатория произвела на путешественника положительное впечатление, хотя ее улицы находились далеко не в лучшем состоянии и отсутствовала пресная вода. Прежде, до разорения города, вода в нем была, «определены были люди, и они посменно между собою поднимали ее лошадьми в бассейн, из которого она шла вверх в другой бассейн, из сего же расходилась по подземным трубам» [6, 158]. П.И. Сумарокова беспокоит отсутствие пресной воды в Евпатории, поскольку это существенно затрудняет жизнь населения. Скорейший ремонт труб, отмечает путешественник, облегчит положение жителей города, в котором «здоровый» воздух, целебные грязи, излечивающие различные заболевания.

Практический, порой просто утилитарный подход к увиденному сочетается в путевых заметках П.И. Сумарокова с типично сентименталистскими размышлениями о суетности цивилизованного мира, которому противопоставляется беспечная жизнь на лоне природы: «Пораженное мое воображение прелестями Крымских мест посеяло тогда в мыслях моих сие рассуждение. Почто, говорил я сам себе, прилепляемся мы к сему суетному и праздному миру, где нет ни дружбы, ни родства, где всякий об одном себе печется, где знакомства на одной холодности и притворстве только основаны, где подлость заглушает благородные чувства, где роскошь, богатство, наглость и игра составляют все достоинства, где ум не действует, и где мода простирается даже и на самые пороки. Не нашел ли бы человек в сем Едемском краю прямых услаждений в своей жизни?» [6, 92–93].

Сравним этот фрагмент с романом Л. Стерна «Сентиментальное путешествие»: «<...> природа верховной своей властью ставит нашему недовольству известные границы и преграды; она этого достигает самым тихим и спокойным образом, исключив для нас всякую возможность наслаждаться нашими радостями и переносить наши страдания на чужбине» [7, 22]. Вместе с тем, английский писатель не сосредоточивает внимания на описании природы тех стран, которые посещает его пастор Йорик, в отличие от русского путешественника, отмечающего: «Тут ты (природа. – *О.Р.*) воздымаешь величественные кипарисы, и лавровые деревья <...> на испещренных розами и нарциссами долинных тихие зефиры разносят по воздуху ароматы и нежат царствующую любовь» [6, 92]. Крымские пейзажи услаждают сердце, «и душа, исполненная восторга, парит в горня открыт премудрого сему Виновника. Одним словом, слаба кисть, недостаточно перо, чтобы изобразить хоть мыло оные красы» [6, 100–101], – замечает писатель.

Покидая полуостров, П.И. Сумароков считает необходимым обобщить свои впечатления. Он определяет географическое положение Крыма, дает сведения о его «здоровом» климате, флоре и фауне, национальном составе жителей – честных, простосердечных, услужливых, гостеприимных, однако «к жестокости и мщению склонных» [6, 180], обрядах и традициях «крымчаков»: «Разные народы, разные обычаи! Что одному кажется смешным, в том другой важность обретает <...> Всякий ищет познать своего творца <...> Сколько стран, столько и обыкновений <...> У людей разные обычаи, но все они дети единого Бога» [6, 182]. Для П.И. Сумарокова Крым – «обетованный край», необходимый России. Он ее «сокровище», которое необходимо беречь и развивать.

1. Галушко А.Д. Концепт «оазис» в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П.И. Сумарокова. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-oazis-v-puteshestvii-po-vseму-krymu-i-bessarabii-v-1799-godu-p-i-sumarokova> (дата обращения: 30.08.2023).
2. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. М., 1997. URL: <https://document.wikireading.ru/19793> (дата обращения: 10.06.2023).
3. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II 1785–1789. СПб., 1865. URL: <https://litmir.club/br/?b=549037&p=41> (дата обращения: 14.06.2023).
4. Куликова А.А. Культурологические особенности путевой прозы русской литературы конца XVIII – начала XIX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskie-osobennosti-putevoy-prozy-russkoy-literatury-kontsa-xviii-nachala-xix-veka> (дата обращения: 14.06.2023).
5. Мамуркина О.В. Жанровые традиции документальной путевой прозы в литературе конца XVIII – начала XIX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovyie-traditsii-dokumentalnoy-putevoy-prozy-v-literature-kontsa-xviii-nachala-xix-veka> (дата обращения: 30.08.2023).
6. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, / Павлом Сумароковым; С историческим и топографическим описанием всех тех мест. Москва: В университетской типографии, у Ридигера, 1800.
7. Стерн Л. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. СПб., 2000.